

Иван Волосюк

Масштабы тропы муравейной

* * *

Человек державой съеден,
брошен под ноги судьбе,
балалайки и медведи
на его живут горбе.

За его душой наружка
смотрит синей красотой,
речь его — смешной Петрушка
или, может, несмешной.

В осталном больное тело
зaberёт военкомат,
чтобы музыка звенела,
как невидимый собрат.

Как неведомый защитник,
тихий ангел лёгких нот.
Этот день тебе засчитан,
новый сразу настаёт.

* * *

За что согласился в нездешнем краю
шагать балалаечным строем?
Ушёл из страны, потому что люблю
величье её никакое.
Иznеженный ум захотел тетивы,
а лука ему не берите.
Но шапка побольше моей головы,
зачем мне тогда ленинградские львы
и злое стекло Moscow city?

Волосюк Иван Иванович — поэт, литературный критик. Родился в 1983 году в городе Дзержинске Донецкой области. Окончил филологический факультет Донецкого национального университета. Публикации в журналах «Дружба народов», «Знамя», «Юность» и др. Участник Форумов молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья. Дипломант XVII Международного литературного Волошинского конкурса. Живет в Подмосковье.

Он эти богатства вражине снесёт,
закусит тушёнкой трофеиной.
Кто был человеком, тот вряд ли поймёт
масштабы тропы муравейной.

Отсюда такие открыты виды,
где мы копошимся у края.
Да, будут слова — но они не слышны,
да, будут стихи — но они сочтены,
не больше, не меньше — я знаю.

* * *

...сердце просит музыки вдвойне

В.И.Лебедев-Кумач

Там спросили меня: не видал ли мужей киммерийских
в той степи, где всегдащий туман расстилается низко?
Я смотрел в темноту. Оставался последний блокпост,
но опять я не знаю ответа на вечный вопрос:
что КамАЗы везут: соболей или беличьи шкурки?
Пробивая строку, лишний гласный застрял в штукатурке.

Там воитель, перстом указав на задымленный юг,
всё хотел разузнать, кто живёт в этом диком kraю,
где фугасный анапест, хорей с обеднённым ураном.
Кто на ощупь идёт и губами касается крана,
кто прикинулся мёртвым, чьё тело лежит на земле,
сам теперь вещество, но поэзии просит вдвойне?

Плоть — космический мусор, ошмётки взорвавшихся звёзд,
не смотри в микроскоп, ничего не увидишь от слёз.

* * *

В бесплатном поезде пора
лететь, куда глаза,
там будет в августе жара
и в феврале всегда.

Где Виктор Цой троллейбус пел,
Высоцкий пел дурдом,
я злым молчанием смотрел
и жил иным трудом.

Но с нашей улицы, как снег,
убрали таксофон,
он был мне правом на побег,
но после отменён.

Осталось космосом дышать,
что русский, что еврей,
и тонким телом не мешать
закрытию дверей.

* * *

Маленький мальчик по полю гулял,
он анархист, экстремист и вандал,
смотрит свои запрещённые сны,
носит ботинки большой глубины.

Мальчику русские птицы поют,
лысину сверху его узнают.
Думают пташки: не может придурак
в городе места найти для прогулок.

Так продолжалось не год и не два,
мальчик забыл человечьи слова,
вот он идёт и щебечет, как встарь,
чижиков мелких нехитрый букварь.

«Чу!» — это пробует голос пока он,
«Фыить!» — обретает звучание в рост.
Скоро всё кончится, думай о малом,
пой этот мир, задыхаясь от слёз.